

УДК 930.1

Очерк народника И. Н. Харламова «Протопоп Иван Неронов»*

С. С. Харитонов

*Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир*

Аннотация. Анализируется очерк народника И. Н. Харламова «Протопоп Иван Неронов», посвященный одному из главных идеологов начального периода церковного раскола. Определена историографическая основа взглядов И. Н. Харламова по проблеме церковного раскола. Рассматриваются причины церковного раскола, выделяются особенности течений, образовавшихся в ходе конфликта. Проанализирован образ протопопа И. Неронова, представленный в очерке Харламова. Рассмотрены культурно-религиозные ценности, мотивы проповеднической и обличительной деятельности И. Неронова, методы борьбы, характер взаимоотношений с единомышленниками и оппонентами. Высказано предположение о мотиве выбора протопопа И. Неронова в качестве главного героя очерка. Выявлены особенности народнического подхода к изучению проблем церковного раскола, старообрядчества.

Ключевые слова: И. Н. Харламов, Иван Неронов, народник, старообрядчество, церковный раскол.

По замечанию видного историка старообрядчества С. А. Зеньковского, тезис одного из основоположников народничества А. П. Щапова о том, что старообрядчество было прежде всего «творческим и свободолобивым оппозиционным движением против засилия государства и церковных властей», был с энтузиазмом подхвачен русскими народниками [2, с. 7]. В последней трети XIX – начале XX столетий проблемам церковного раскола, старообрядчества и религиозного сектантства посвятили свои работы исследователи народнического направления Н. Я. Аристов, Я. В. Абрамов, В. В. Андреев, А. С. Пругавин, И. И. Каблиц (Юзов) и др. В ряду народников – исследователей старообрядчества необходимо назвать и владимирского публициста Ивана Николаевича Харламова (1854–1887), высоко оценившего вклад Щапова в изучение проблем церковного раскола и старообрядчества, хотя и не разделявшего его мысли о противогосударственной направленности старообрядцев и религиозных сектантов. Перу И. Н. Харламова принадлежит несколько крупных очерков (монографий), посвященных названным проблемам – «Протопоп Иван Неронов», «Идеализаторы раскола», «Странники», «Духоборцы», «Штундисты», а также

---

* Научная публикация подготовлена в рамках гос. задания ВлГУ № 927/14 на выполнение гос. работ в сфере научной деятельности.

ряд газетных публикаций. Произведения Харламова публиковались в передовых «толстых» журналах тех лет, таких как «Дело», «Русская мысль», «Древняя и новая Россия», в газетах «Страна», «Русский курьер».

Очерк «Протопоп Иван Неронов» опубликован в 1881 г. [10]. Работа И. Н. Харламова, освещающая начальный период церковного раскола XVII в., основана на анализе «Жития» Ивана Неронова, опубликованного Н. И. Субботиным [6], а также списка рукописного жития Неронова в сборнике Публичной библиотеки. Издание Н. И. Субботина, на которое и по сей день опирается большинство исследователей истории старообрядчества, И. Н. Харламов характеризует как «чрезвычайно интересное и важное» [10, с. 56]. Выбор «биографического» направления в истории раскола обосновывается народником не только его недостаточной разработанностью, но и возможностью «лучшего уразумения внутренней сущности раскола» в разные периоды его существования [10, с. 55]. И. Н. Харламов ставит перед собой цель проследить в подробностях жизнь одного из видных представителей первоначального периода раскола. При этом для современного исследователя как истории старообрядчества, так и проблем народничества может представлять интерес ответ на вопрос, чем руководствовался Харламов, избрав среди первых идеологов старообрядчества в качестве основного героя своего очерка именно Ивана Неронова. Данная статья, вероятно, поможет ответить на него.

В очерке народник ссылается на труды отечественных и зарубежных ученых – А. П. Щапова, Н. И. Костомарова, П. В. Знаменского, С. М. Соловьева, Г. К. Котошихина, а также Дж. Леббока, Дж. Льюиса. Можно утверждать, что именно концепции историков демократического направления А. П. Щапова и Н. И. Костомарова послужили для И. Н. Харламова основой формирования собственной картины раскола. В итоге формула И. Н. Харламова, согласно которой раскол представлял собой «выражение церковно-гражданского протеста с одной стороны и умственного религиозно-народного прогресса – с другой», по сути, являлась синтезом основных положений упомянутых концепций, дополненных собственными выводами [9, с. 5]. Раскол, по мнению народника, произошел в среде передовых людей «благодаря различному их отношению к способам управлять церковью и вести дело реформы» [10, с. 97]. С одной стороны оказались «централизаторы-деспоты, продолжатели давнишней тенденции властвующей Москвы», с другой – «носители областных и соборных, земских идеалов, представители подвластной русской массы» [Там же]. И если при Никоне раскол заключался в конфликте церковного управления, в последующем, полагал народник, он стал вопросом догмата, отчасти вопросом социального строя.

В качестве основной причины к появлению названных выше партий и зарождения конфликта исследователь называл развитие религиозной мысли в обществе. В этом отношении И. Н. Харламов, как уже говорилось выше, близок во взглядах Н. И. Костомарову, признававшему раскол «крупным явлением умственного народного прогресса». Вместе с тем, восприняв мысль Н. И. Костомарова, И. Н. Харламов делает из нее самостоятельные выводы. Н. И. Костомаров, по сути, признавал, что раскол – «явление новое, чуждое старой Ру-

си», проявлявшееся раньше лишь в отдельных личностях, и возник, скорее, вопреки существовавшим условиям [3, с. 267]. И. Н. Харламов, напротив, стремился показать раскол как результат закономерного многовекового процесса общественно-религиозного развития: люди реформы, писал он, явились не случайно, не спорадически – вырос новый тип людей, «вполне современный, скоро понятый современниками, захвативший надолго громаднейшее нравственное влияние на массы» [10, с. 62]. Проводимая народником аналогия между природными процессами, умственным развитием человека и трансформацией религиозных ценностей в обществе с опорой на труды Дж. Льюиса и Дж. Леббока выявляет свойственные его взглядам черты позитивизма и эволюционизма. Вслед за Н. И. Костомаровым И. Н. Харламов противопоставляет утверждения сторонников официальной, обличительной точки зрения, представлявшей старообрядцев «тупой массой, помешанной на мелочах» [8, с. 3], историко-культурную роль раскола в народной жизни [4, с. 8].

Основные различия между сторонниками реформ касались культурно-религиозных ценностей. Существенной чертой представителей первой партии было то, что они, знакомые с европейской светской научной мыслью, «признавали ее важность и ею руководствовались в исправлении книг, во взглядах на религию» [10, с. 71]. В приведенной характеристике примечательно сочетание ценностей европейской образованности, научности, которые разделяли Никон, Плещеевы, Ф. М. Ртищев, ученики его школы и иностранцы, выписанные для исправления книг, и деспотических амбиций, олицетворяемых Никоном. Взглядам представителей второй партии, к которой народник относил Неронова, Аввакума «с братиею», отдельных представителей боярства, включая известную Ф. П. Морозову, была свойственна разобщенность с внешним миром, обращенность исключительно на предметы религии, следствием чего явилась «крайняя односторонность развития» [10, с. 70]. Перечисленные черты можно было бы, на первый взгляд, объяснить низким культурным уровнем, однако «передовые люди народа» были «сведущи в писаниях» (достаточно упомянуть «Житие» протопопа Аввакума), к тому же близость к народу не требовала от них «ухищрений и тонкостей риторических и философских», которые часто давали возможность «прикрывать неправду и ошибки мысли» [10, с. 71]. И. Н. Харламов акцентирует внимание на том, что роли общественных лидеров закрепились за выходцами из народной среды, выразителями идеалов соборности, что вполне объяснимо принадлежностью исследователя к народническому лагерю. Вражду между партиями, переросшую в открытое противостояние, посеял Никон – «патриарх-деспот, отрицающий своей деятельностью соборные, демократические начала дониконовской церкви» [10, с. 56]. Точку зрения представителей второй партии ярко выразил Иван Неронов.

Какие черты в облике главного героя отмечает автор очерка? Неронов, юность которого прошла в небольшом скиту и выпала на суровую эпоху «московского разоренья», проявляет себя как человек с «наивной, пылкой верой в правду, резкий, смелый в обличении всякой житейской лжи и мерзости, железный в страданиях, упрямый в борьбе, мстительный к сильным, любящий и сострадательный к обиженным и обездоленным» [10, с. 96]. Вероятно, соедине-

ние упомянутых качеств и жизненных обстоятельств подтолкнуло его к активному сопротивлению жизненным трудностям, обличению человеческих пороков.

Народник полагал, что новый тип активного общественно-религиозного деятеля – проповедник-обличитель – в своих воззрениях «концентрировал то, что смутно уже бродит в массах» [10, с. 64]. Несмотря на первую протестную реакцию толпы, эти идеи постепенно принимались людской массой, поскольку попадали в цель. Так со временем росла народная слава церковных реформаторов. И. Н. Харламов исключает предположение, что в организации проповедей Неронов мог руководствоваться корыстными мотивами: «против такого объяснения говорят искренность и откровенность, составлявшие неотъемлемую принадлежность его характера и исключавшие всякую возможность лицемерия и ханжества» [10, с. 66]. Исследователь неоднократно подчеркивает, что Неронов переносил телесные наказания как дар, а стремление к подвигу пересиливало физическую боль, поэтому И. Н. Харламов именуется его «рыцарем». Подтверждением бескорыстия Неронова может также служить «социальное христианство» (термин С. А. Зеньковского) – широкая благотворительная деятельность, развернутая протопопом. Современный отечественный исследователь А. Н. Глинчикова видит в этом проявление значимой тенденции: «идея ухода от мира, характерная для представителей раннего русского Возрождения, сменяется идеей служения миру как важнейшей христианской добродетели» [1, с. 106]. Принципиально важной, по мнению исследовательницы, является то, что импульс улучшения шел не сверху, от власти, а снизу, от самого общества.

Неронов – борец-практик, сильный, в отличие от «теоретика» Аввакума, не широтой взглядов, а, напротив, их узостью, «удобопонятностью и непосредственной пригодностью для жизни практической» [10, с. 56]. Данная характеристика, как уже говорилось выше, не несет в себе отрицательного оттенка и не свидетельствует о невежестве Неронова: И. Н. Харламов, хоть и вскользь, упоминает, что Неронов «чуть не наизусть» знал творения Иоанна Златоуста, находился некоторое время в селе Лыскове у старца Анания, объяснявшего ему «неведомое из божественных писаний», и, можно сказать, прошел здесь «окончательный курс духовной науки» [10, с. 65]. Однако в очерке И. Н. Харламова не называется Троице-Сергиева лавра, где Неронов познакомился с выдающимся религиозным деятелем архимандритом Дионисием. С. А. Зеньковский высказывает предположение, что творения любимых писателей Дионисия – Иоанна Златоуста и Максима Грека – занимали почетное место в списке читаемых Нероновым книг и читались «с особенным благоговением и вниманием» [2, с. 59]. Отличие между Нероновым и Аввакумом проявилось, по мнению И. Н. Харламова, и в отношении к единомышленникам: Аввакум, «забывая о личной судьбе своей и своих друзей, возбуждает народ против патриарха» [10, с. 79], Неронов же ради идей не способен был забыть о людях.

Опровергая мнение П. В. Знаменского и С. М. Соловьева, И. Н. Харламов подчеркивает, что Неронова подтолкнула к религиозной борьбе не личная ненависть к Никону и его сторонникам, а высший, отвлеченный принцип правды, «ненависть к идее, которая ими руководит, сознание ее ложности, несправедливости, сознание другой, более справедливой идеи, которая могла бы стать

на место идеи ненавистной, и страстное стремление ратовать за правду, «не щадя живота» [10, с. 55]. Автор подчеркивает перманентный характер ценностей своего героя: принципов соборности и демократизма Неронов придерживался и до столкновения с Никоном, и после ухода патриарха, поскольку они «шли в лад в его душе с общинно-земскими привычками» [10, с. 94]. Однако социальное приложение демократически-христианской идеи Неронова, по мнению И. Н. Харламова, – узко, поскольку касается только реформирования церковного управления.

В отличие от идеологов церковного обновления царь Алексей Михайлович показан И. Н. Харламовым бесхарактерно-деспотичным, «слабым умом и характером». Находясь первое время под влиянием своего духовника Стефана Вонифатьева, а также Аввакума, патриарха Никона, царь представлен игрушкой в руках более сильных личностей. Для него, с одной стороны, характерно стремление к сглаживанию церковного конфликта, с другой – направление усилий правительства на дальнейшее укрепление приказно-административной системы, устранение последних остатков областного самоуправления, церковной самостоятельности, т. е. в сторону, противоположную народным желанием и ожиданиям. При этом народник акцентирует внимание читателя на том, что Неронов любит царя, уважает царскую власть, ждет от нее всяких благ, в том числе и для церкви. Принципиальным положением И. Н. Харламова в вопросе идеологии старообрядцев является утверждение о чисто религиозном ее содержании и отсутствии антигосударственных устремлений. «Содержание доктрины раскольников, – настаивал писатель, – суевенно-религиозное, «мистико-апокалипсическое». Это не знамя общественной борьбы, а философия отчаяния» [7, № 9, с. 12]. Данное положение И. Н. Харламова созвучно мнению Н. И. Костомарова, полагавшего, что на религии сосредоточился «весь интерес его (старообрядца. – С. Х.) духовной жизни» [3, с. 291]. Здесь же проявилось резкое расхождение И. Н. Харламова с идеями А. П. Щапова, а также его последователей, названных Харламовым «идеализаторами раскола» – народниками И. И. Каблицем (Юзовым) и А. С. Пругавиным, видевшими в расколе «могучую, страшную оппозицию податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского» [11, с. 29].

Рисую последние годы жизни главного героя, И. Н. Харламов признает, что Неронов, в отличие от Аввакума, не осмелился пойти против постановлений вселенских патриархов, «не имел духа следовать до конца за своими братьями, которым время и развитие движения ставили резко новые требования и новые задачи» [10, с. 90]. При этом автор очерка полностью солидарен со своим героем, именуя обвинительный приговор соборного суда 1656 г. в отношении Неронова, подписанный иерархами церкви, «собранием лжи». Читатель видит, как с годами идейная борьба Неронова перерождается в мелочность, сварливость, сутяжничество. Отсюда, на наш взгляд, и меняющееся отношение И. Н. Харламова к протопопу: уважение под конец очерка сменяется снисхождением. Несмотря на это, значение Неронова для современников заключалось в том, что, будучи человеком своего времени, своими писаниями он «находит отзвук в каждой русской душе, полной общинно-земскими преданиями, ис-

страдавшейся уже под вековым произволом» [10, с. 97], – в этом, по-видимому, и заключается мотив выбора народником главного персонажа очерка. К тому же в образе Неронова угадываются ценности, разделявшиеся интеллигентами-народниками XIX в.: вера в правду, прямота, идейность, решительность, уважение к народным идеалам, стремление к активному социальному служению. Таким образом, отражение событий церковного раскола XVII в. оказывается вписанным в рамки народнической доктрины противостояния индивидуально- и коллективного начал. На применение И. Н. Харламовым (и народниками в целом) рационалистических оценок и понятий к событиям другой эпохи как на недостаток подобных исследований с научной точки зрения указывала советский ученый В. С. Румянцева [5, с. 16]. С этим мнением можно согласиться, однако применение рационалистических оценок, утилитарный подход к историческим сюжетам имели в глазах народников под собой основания. Вопросы, поставленные на повестку дня церковным расколом, сохраняли свою злободневность и спустя два века: после отмены крепостного права по-прежнему актуальными были проблемы самостоятельности церковного института, соборности, свободы совести. Преследуя преимущественно социальные цели, народники (здесь И. Н. Харламов не представлял собой исключение) ориентировали свои произведения на широкую читательскую аудиторию, а затрагиваемые проблемы рассматривались ими как один из аспектов борьбы за расширение гражданских прав, улучшение положения социально незащищенных слоев населения. Этот момент стоит учитывать в процессе анализа народнических работ. Многие из тех вопросов, которые волновали народников более ста лет назад, безусловно, актуальны и по сей день.

Список литературы

1. Глинчикова А. Н. Раскол или срыв «русской Реформации»? / А. Н. Глинчикова. – М. : Культур. революция, 2008. – 384 с.
2. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество / С. А. Зеньковский. – Минск : Белорус. экзархат, [2007?]. – 544 с.
3. Костомаров Н. И. История раскола у раскольников / Н. И. Костомаров // Раскол. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. – М. : Чарли, 1994. – 608 с.
4. Молзинский В. В. Николай Иванович Костомаров и его концепция старообрядчества / В. В. Молзинский // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы X Междунар. науч. конф. (Москва, 15–17 нояб. 2011 г.). – М., 2011. – Т. 2. – С. 5–12.
5. Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке / В. С. Румянцева. – М. : Наука, 1986. – 262 с.
6. Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Н. И. Субботин. – М. : Братство святого Петра Митрополита, 1875. – Т. 1. – 491 с.
7. Харламов И. Н. Идеализаторы раскола / И. Н. Харламов // Дело. – 1881. – № 8. – С. 1–26; № 9. – С. 1–26.
8. Харламов И. Н. Наше знакомство с расколом / И. Н. Харламов // Страна. – 1880. – 8 июня (№ 45). – С. 2–4.
9. Харламов И. Н. Причины появления раскола / И. Н. Харламов // Страна. – 1880. – 10 июля (№ 53). – С. 3–5.

10. *Харламов И. Н.* Протопоп Иван Неронов. Очерк из истории раскола / И. Н. Харламов // *Древняя и новая Россия*. – 1881. – № 1. – С. 55–97.

11. *Щапов А. П.* Земство и раскол. Вып. 1 / А. П. Щапов. – СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. – 161 с.

Narodnik I. N. Kharlamov's Character Sketch “Arch-Priest Ivan Neronov”

S. S. Kharitonov

Vladimir State University, Vladimir

Abstract. Narodnik I. N. Kharlamov's character sketch “Arch-Priest Ivan Neronov” dedicated to one of the leading ideologists of the early period of schism is analyzed. Historiographical basis of I. N. Kharlamov's views on the problem of schism is identified. The causes of schism, specific features of tendencies formed in the course of the conflict are considered. The image of arch-priest I. Neronov showed in the I. N. Kharlamov's sketch is analyzed. The cultural and religious values, motives of I. Neronov's preaching and philippic activity, methods of struggle, the nature of the relationship with his supporters and opponents are considered. The author presents his view on the reason of choice of I. Neronov as the main character of the sketch. Peculiarities of the Narodnik approach to the study of the problems of schism and the Old Believers are revealed.

Keywords: I. N. Kharlamov, Ivan Neronov, Narodnik, the Old Believers, schism.

Харитонов Сергей Сергеевич
*аспирант, кафедра истории России,
Педагогический институт
Владимирский государственный универ-
ситет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
600024, г. Владимир, пр. Строителей, 7
тел.: 8(4922)338632
e-mail: ss.haritonov@mail.ru*

Kharitonov Sergey Sergeevich
*Postgraduate, Department of History
of Russia, Pedagogical Institute
Vladimir State University named after Alex-
ander and Nikolay Stoletovs
7, Stroiteley av., Vladimir, 600024
tel.: 8(4922)338632
e-mail: ss.haritonov@mail.ru*